КОНСИЛИУМ,

Ленингр. правда, 1987, 29 апр.

или Театр Комедии вчера, сегодня и завтра

БОЛЬШАЯ, несколько причудливая буква «К», начинающая название театра... Кто не узнает ее сразу — на стеклянных витринах дома № 56 по Невскому проспекту, на красочных афишах-плакатах, возвещающих о новых спектаклях. Конечно же, речь идет о Театре Комедии, коллективе, неразрывно связанном в нашем сознании с именем Николая Павловича Акимова.

Прошло почти 20 лет с тех пор, как Акимова не стало, и судьба труппы в эти годы складывалась непросто. Были периоды неудачных — один за другим — спектаклей. Далеко не полным был зал. Менялся состав актеров: «какие-то они неакимовские», — раздавались голоса. Менялись режиссура и стиль постановок: «нет, что-то все не так, как было», — считали многие.

А может ли быть точно так, как было? И должно ли быть? И каким хотелось бы видеть Академический театр Комедии? Почему многие его спектакли непопулярны у зрителей? Эти вопросы возникли не сегодня. Они поднимались прессой. Куйбышевский райком партии поставил специальное бюро рассмотрению положения дел в этом коллективе. Собиралась коллегия Главного управления культуры.

А какова же роль профессионалов-театроведов? Не могли бы они «поставить диагноз» сегодняшнему состоянию здоровья коллектива? Ведь действенность, активность критики, умение выявить самые острые болевые точки — черта сегодняшнего времени, обязательное требование перестройки.

Всероссийское театральное общество недавно стало Союзом театральных деятелей РСФСР, перестраиваются в свете нынешних задач все его подразделения. По-новому строит свою работу и секция театральной критики — солидный коллектив театроведов. По-новому было задумано и проведено этой секцией совместно со всем творческим составом труппы обсуждение положения дел в Театре Комедии.

В течение двух месяцев приходили критики на его спектакли. Сравнивали премьерные и рядовые постановки. Изучали реакцию зала. Беседовали со зрителями в фойе. Сопоставляли игру актеров. Читали пьесы — нет, не те, которые поставлены, а те, которые могли бы пополнить репертуар театра. Вдумывались. Анализировали. Спорили. И опять шли на очередной спектакль. Два месяца подряд. Вечер за вечером...

НЕТ, это было не ревизия, не инспекция, а серьезное коллективное исследование, анализ, диагноз, совет. «Консилиум», как сказали бы медики.

Консилиум собирается в серьезных случаях. Сегодняшнее положение в Театре Комедии — случай непростой, хотя это скорее сложности становления, периода поисков себя. Есть в его нынешней жизни вещи обнадеживающие, радостные, созвучные времени. Есть — вызывающие критические раздумья.

Мнение Н. РАБИНЯНЦ, председателя бюро секции театральной критики ЛО Союза театральных деятелей РСФСР, кандидата филологических наук:

— Начну с важного показателя — зал здесь сегодня всегда наполнен. Правда, есть разные способы привлечь зрителей. Ценно, что в Театре Комедии не заазывают публику безотказно действующими «манками» — модной музыкой, «звездами» напрокат, переделкой пьес, решением всех спектаклей в жанре популярного сейчас мюзикла. Среди ленинградских театров этот коллектив выглядит интеллигентно, он стремится приверживаться традиций театральной школы, изданна сложившейся в нашем городе. Но, думается, возможностя у труппы большие, нежели сейчас реализуются. Театр находится в периоде становления.

Да, в неразрывной триаде «театр — время — зритель» есть здесь пока свои слабые звенья. И, конечно, в первую очередь вопрос стоит о формировании репертуара, который, как известно, определяет лицо театра. За минувшие три года 17 спектаклей ушли с афиши Театра Комедии, 13 — новых — пополнили ее.

Хорошо это или плохо? Цифры не дают ответа на этот важнейший вопрос, они свидетельствуют неоспоримо лишь о том, что есть движение, поиски, стремление к обновлению.

Как же обновился репертуар театра за последнее время? В афишу вошло семь спектаклей на современную тему. Это очень отрадно, говорит о верной направленности поиска главного режиссера Ю. Аксенова, небоязни трудностей: ведь найти современную комедию сложно. С другой стороны, в числе новых постановок рядом с такими произведениями, как «Родненькие мои», «Синее небо, а в нем облака», и такая откровенно слабая пьеса, как «Н. о.». Может быть, даже вредная для актеров, отбывающих в ней свое время на сцене. Вредная соответственно и для зрителей своей легковесной бессмысленностью.

Казалось бы, отрадный факт — включение в афишу спектаклей «акимовского репертуара» «Тень» и «Двенадцатая ночь». Это говорит о стремлении сохранить традиции при поисках нового лица театра. Тем не менее Театр Комедии — как хотелось бы прибавить, носящий имя Николая Павловича Акимова! — никак не должен дословно повторять то, что было при нем. Уникальный художник неповторим. Как неповторимо его время, а каждый настоящий театр живет только в своем времени и созвучен ему. И следовать традициям Акимова, в у коллектива и его руководства есть такая цель, — означает, в частности, неустанно открывать новые имена авторов. Помнится, как-то, выступая на одном из совещаний, Акимов в свойственной ему парадоксальной манере делился опытом своей работы над формированием репертуара. «Мы перешли, говорил он, от периода первого бытного поиска и сбора плодов к попыткам их выращивания. Речь шла о студии драматургов, созданной им тогда, о рождении современной пьесы внутри театра.

Сегодня эта традиция утеряна. А жаль. Более активным мог бы быть поиск репертуара и в кладовой русской и советской сатирической драматургии — Лесков, Салтыков-Щедрин, Булгаков... И зарубежной.

Мнение доктора искусствоведения И. СТУПНИКОВА:

— Разговор о постановке зарубежных пьес на нашей сцене непрост. Помному, эпизодически ставить их нельзя: нужны традиции, линия, нужна постоянная актерская практика — ведь это другой мир, иная жизнь, привычки, манеры. Зарубежная пьеса должна занимать свое, не основное, но достаточно постоянное место в общей репертуарной афише. Затем второй вопрос — что выбирать из огромного поля зарубежной драматургии. Здесь много пока случайного. Почему-то исчез Ануй. Ленинградские театры — все — прошли мимо Олби. Хочется напомнить о язвительном Джоне Мортимере, классике английской комедии Джордже Фаркере, о Питере Устинове, Жиродоу.

Театр ищет свое лицо. Зависит оно во многом не только от репертуара, но и от режиссуры, от ее позиции, мировоззрения. От того, как режиссер видит события, отраженные в пьесе, как определяет их социально-общественные корни.

Мнение доктора филологических наук профессора Я. БИЛИНКИСА:

— Сегодняшняя болезнь коллектива — прежде всего власть режиссерской мысли. Так, обращение труппы к постановке пьесы Островского «Бешеные деньги» казалось правомерным. Она позволяла режиссеру В. Шапиро найти и изящную острую выразительную форму, и вполне современную идейную концепцию этого сценического произведения. Однако, глядя на то, что происходит на сцене, не понимаешь, что взволновало создателей постановки, зачем им понадобился сегодня именно этот сюжет. Нечеткое выражение, с моей точки зрения, получила на сцене и главная мысль спектакля «Все о Еве». Рассказывая историю заката знаменитой звезды и пути наверх начинающей актрисы, можно было показать, скажем, как на смену талантливой личности приходит не личность, но ловкая интриганка. А можно было сосредоточить внимание на раскрытии самого механизма интриги, с помощью которой достигается карьера. Однако режиссер Л. Стукалов, проявив определенный профессионализм, не проявил своего современного отношения к материалу пьесы. Пожалуй, только в спектакле «Родненькие мои» в отдельных сценах достигается должная острота столкновения характеров. Режиссер Ю. Аксенов рассматривает позицию человека, находящегося в сложных отношениях с окружающими. Однако эта тема расплывается.

Надо сказать, что вообще в антрактах я не слышал, чтобы говорили о только что увиденном. Это симптом.

Здесь мы подходим, возможно, к одной из важных причин сложной ситуации театра. Ослаблен процесс обратной связи между создающими и воспринимающими спектакль. Искусство режиссера подчас утрачивает свое драгоценнейшее свойство — заразительность, ту объединяющую людей магическую силу, которая заставляет включиться в чужую жизнь, как в свою собственную. Нам могут возразить: послушайте зал — зрители ведь смеются, реакция есть. Однако всегда ли смеются там, где хотелось бы слышать смех? Всегда ли он вызван смыслом происходящего?

Теперь о труппе. В ней работают актеры разных поколений (есть несколько человек, которые выступали еще при Акимове). На режиссуре в первую очередь лежит ответственность за творческое состояние коллектива, за профессиональное и гражданское формирование личности каждого актера. Неточна задача, поставленная перед исполнителем, — и приблизителен созданный на сцене образ. Или, скажем, не сняты лишние найденные актером краски, и тоже нечеток характер персонажа, хотя публика во время спектакля, может быть, и смеется, и аплодирует какой-нибудь самой по себе забавной детали. Однако при том, что актерская профессия зависима и от репертуара, и от режиссуры, она — профессия творческая. В ней достаточно возможностей для собственных поисков, собственного насыщения роли своими раздумьями о событиях пьесы, о процессах, происходящих в жизни.

Мнение доктора искусствоведения профессора Т. МАРЧЕНКО:

— Творческие возможности труппы Театра Комедии гораздо бо́льшие, нежели проявляются сейчас в спектаклях. Наиболее сильна здесь женская часть коллектива, хотя в труппе любого театра женщинам приходится всегда играть меньше — так уж пишутся пьесы. Поколение работы ведущих мастеров этой сцены, таких, скажем, как В. Карпова и О. Антонова, И. Дмитриева, красноречиво свидетельствуют о том, что при наличии четкой режиссерской концепции постановок актеры добиваются серьезных удач, при вялой режиссуре их работы тоже оказываются малоинтересными, грешат «личными штампами».

С другой стороны, встает вопрос и о том, что в любом случае каждый актер может и должен более активно самостоятельно делать роль, привнеся в нее свое личностное отношение к материалу. Примеры тому — работы новых для театра актеров В. Рожина и Ю. Кузнецова, первый из которых в рисунке, созданном предыдущим исполнителем, совсем по-иному, интересно «читает» образ шварцевской Тени, а другой в несостоявшемся в целом спектакле «Бешеные деньги» несет глубоко человечную тему в роли Васькова и выделяется простотой и искренностью исполнения.

Нельзя не сказать и о симптоме самоуспокоенности, когда талантливые актеры, переходя из спектакля в спектакль, просто-напросто несут только самих себя. По-своему всегда интересна сочная, могучая натура М. Мальцевой, задорно веселое озорство дарования С. Карпинской, элегантно-небрежная манера Л. Леонидова, располагает мягкое обаяние Г. Воропаева, увлекает жесткоквартный рационализм Л. Милиндера, неотразимо смешна непосредственность М. Светина. Но самоповторяемость этих актеров отнюдь не способствует их творческому совершенствованию. Хотя, как показывают иные спектакли, некоторые из этих актеров способны заявить о себе неожиданно интересно.

В воспитании актеров нет мелочей — здесь важно все: и профессиональное, и гражданское формирование личности, и соображения о том, как впишется новая смена в текущий театральный процесс. Уже можно назвать имена таких молодых, как А. Неволина, Г. Гудова, А. Вяха, А. Анкудинов, И. Арсеньев, В. Котов, которые доказали, что могут быть не только материалом, а сотворцами, соавторами спектакля. Лучшие их работы подтвердили, что личный вклад в роль может состоять из собственного переживания и осмысления материала, а не только из сил, затраченных на выполнение режиссерского замысла и концепции.

Только большая требовательность каждого к самому себе позволит уйти от годами формировавшихся навыков театрального мышления, ставших уже штампом, барьером для творчества. Отбросить их нелегко. Но это надо. Зритель уже привык к новым правилам игры. Ему одного профессионализма сегодня мало. Необходима способность к серьезному духовному диалогу с залом о самом значительном, важном, существенном в жизни человека.

Зритель ждет от искусства открытий. Их еще нет пока в Театре Комедии ни в режиссуре, ни в актерском творчестве, ни в сценографии. Есть поиск, есть надежда, что — будут. И, думается, широкое, гласное обсуждение положения дел в театре, его поисков, находок, трудностей, просчетов — в в нем также принимали участие руководитель театральных деятелей Ленинграда народный артист СССР В. Стржельчик, театроведы Е. Алексеева, Т. Отюгова, О. Савицкая — залог точного анализа, точного диагноза. А значит — и действенной помощи коллективу.

СЦЕНА испокон веков была чутким барометром, откликающимся на любое изменение «атмосферного давления». Сегодня же особенно стали намерять достоинство той или иной театральной работы степенью остроты и смелостью постановки жизненных проблем. И потому по-прежнему остается такой актуальной проблема создания не просто комедийных спектаклей на современную тему, а глубоко, взволнованное, заинтересованное исследование процессов, происходящих в жизни. Тут театр еще в долгу перед своим зрителем.

М. ИЛЬИНА
К. КЛЮЕВСКАЯ